

А. П. Бехтер

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К IOSPE II². ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ИЗ ФОНДОВ ХЕРСОНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В статье републикуются две надгробные стелы, известные по КБН, но изданные с серьезными ошибками (КБН 450, КБН 575), и впервые полноценным образом публикуется рельеф с посвящением Кибеле (IV в. до н.э.). Все три памятника происходят из коллекции И.К. Суручана и находятся на хранении в Херсонском краеведческом музее.

Ключевые слова: эпиграфика, Боспор, коллекция И.К. Суручана, ономастика, Кибела.

Настоящая публикация предполагается первой в серии статей, посвященных ранее не публиковавшимся или опубликованным неудовлетворительно памятникам боспорской лапидарной эпиграфики, которые были изучены в процессе работы над изданием нового корпуса греческих и латинских надписей Северного Причерноморья (IOSPE³)¹. Учитывая специфику жанра корпуса, которая требует, чтобы описание памятника и комментариев не были слишком пространными, кажется целесообразным предварить особо значимые или интересные материалы развернутой публикацией (или републикацией).

В данной заметке представлены стелы из фондов Херсонского краеведческого музея: два надгробия, включенные в КБН, но содержащие серьезные ошибки в чтении личных имен, которые были воспроизведены в LGPN, что создает условия для дальнейшего тиражирования этих ghost-names, и ранее полноценным образом не публиковавшийся вотивный рельеф.

I

1. КБН 450

Место и время находки неизвестно; стела находилась в коллекции Суручана в Кишиневе, сейчас хранится в Херсонском краеведческом музее (инв. № ХЕМ-а-5819). А.И. Болтуновой, впервые опубликовавшей стелу, памятник был условно отнесен к числу пантикапейских².

Известняковая стела с выступом для вставки в постамент, обломанная сверху (утрачены венчающая часть памятника и верх рельефа); высота 1,02 м, ширина 0,49–0,50 м, толщина 0,15–0,17 м. В левой части рельефа изображен всадник на спокойном стоящем коне, обращенный вправо (фигура сбита по линии плеч); он одет в штаны и длинный плащ; на правом бедре у него кинжал, за спиной горит. В левом углу, за всадником, фигура слуги-оруженосца, изображенного, вопреки обыкновению, в почти нормальном масштабе. Перед всадником фигурка одетого в хитон и плащ мальчика, который протягивает ему виноградную гроздь. За ним в одинаковых

Бехтер Анастасия Петровна – доцент медицинского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ Информацию о проекте см. на сайте: <http://iospe.cch.kcl.ac.uk/index.html>.

² Болтунова 1963, 98–99, № 5.

Рис. 1. КБН 450 (общий вид)

позах, обращенные лицом к зрителю помещены: женщина в длинном хитоне, закутанная в покрывало, на голове – калаф (в настоящий момент изображение головного убора уничтожено сколом, но хорошо видно на фотографии А.И. Болтуновой) и два мальчика в хитонах и плащах (рис. 1). Под рельефом по тонким линейкам вырезана надпись; высота букв – 4,3 см (*omega* 3,5 см; *omicron* 3,0 см) (рис. 2).

В соответствии со стилем рельефа и палеографическими характеристиками Болтунова датировала стелу I в. н.э. Предложенная датировка не вызывает возражений. Ее можно также подкрепить ссылкой на тип кинжала, закрепленного на бедре всадника: подобные кинжалы сарматского типа получили на Боспоре распространение как раз в I – первой половине II в. н.э., и их изображения неоднократно засвидетельствованы на надгробных рельефах в указанный период³. Характер письма также

³ Трейстер 2008, 146–158. В составленный Трейстером каталог надгробных стел с изображениями кинжалов указанного типа (включает 10 памятников) наше надгробие почему-то не включено; впрочем, сам автор, как кажется, не претендует на исчерпывающую полноту своего каталога.

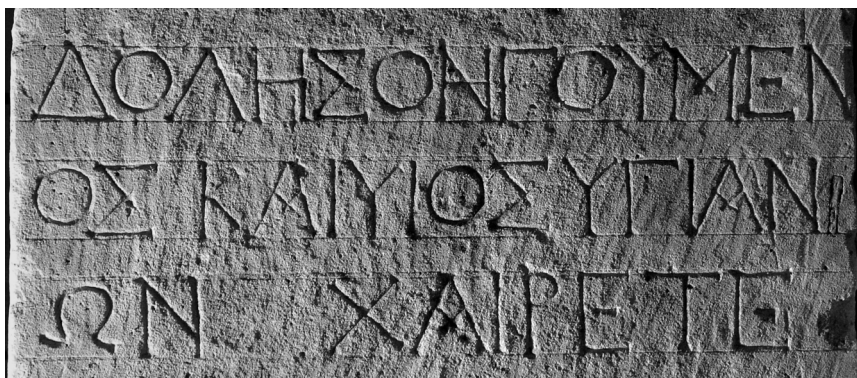

Рис. 2. КБН 450 (надпись)

соответствует указанной датировке: буквы апицированы, наклонные *альфы*, *сигмы* и *мю* продолжают после пересечения друг с другом. *Омикрон* круглый, по размеру меньше прочих букв; *альфа* с ломаной гаской; средняя горизонталь *эпсилон* не соприкасается с вертикалью; наклонные *каппы* укорочены.

ΔΟΛΗΣΟΝ <H>γουμεν-
ός καὶ υἱὸς Ὑγια<ι>v-
ων, vac 2 litt. χαίρετε.

1. Δόλησον ошибочно Болтунова, КБН; Δολησον Яйленко, Бехтер de visu; 1–2. <H>γουμενός Болтунова, Яйленко, полагавшие, что резчик пропустил *эту* и затем вырезал ее поверх *ню*, не выскабливая последнюю, исправив свою ошибку с помощью такого своеобразного эрзаца лигатуры; 2–3. камень ΥΓΙΑΝΙΩΝ.

Хотя верное чтение первого имени было предложено еще В.П. Яйленко⁴, в LGPN IV воспроизведен ошибочный вариант Болтуновой – Δόλησον⁵. Она определила первое имя как женское уменьшительное, воздержавшись от высказывания каких-либо соображений по поводу его происхождения. Яйленко предположил, что Δολησον образовано от единожды засвидетельствованного у Иосифа Флавия мужского имени Δόλησος, которое носил гражданин сирийской Гадары (Ios. V. Iud. IV, 7, 3), и соответственно представляет собой «адаптацию семитского имени на Боспоре»⁶. Основанием для определения Δολησον как семитского имени послужила, видимо, принадлежность носителя имени Δόλησος к гражданской общине Гадары (по крайней мере никакой дополнительной аргументации приведено не было), что, конечно, не может считаться достаточным.

Гораздо более очевидной представляется связь с хорошо известным фракийским Δολης (LGPN IV s.v.). Однако способ образования имени Δολησον вызывает

⁴ Яйленко 1987, 167–168. В недавнем (2010) переиздании указанной работы в составе сборника статей автора, посвященных античному Северному Причерноморью, которому исследователь почему-то дал такое провокационное название, что сослаться на него неловко, существенных изменений в интерпретацию КБН 540 не внесено.

⁵ Интересно отметить, что совершенно аналогичную ошибку – чтение *лямбды* вместо прекрасно видной *дельты* – Болтунова допустила также при публикации КБН 905: ΘΡΑΚΙΔΑΣ, ΘΡΑΚΙΔΟΥ вместо ΘΡΑΚΙΔΑΣ, ΘΡΑΚΙΔΟΥ (аутопия летом 2004 г.). См. к правильному чтению: Марти 1941, 202, № VIII; Яйленко 1987, 72, № 115; Тохтасьев 1992, 183, № 4; Тохтасьев, Матковская 2006, 198, прим. 79. Как и в случае с рассматриваемой эпиграфией, в LGPN IV воспроизведено ошибочное чтение Болтуновой.

⁶ Яйленко 1987, 167–168.

ряд вопросов. В принципе имена негреческого происхождения могли оформляться греческими суффиксами, хотя надежных свидетельств существования на Боспоре женских гипокористиков, произведенных с помощью греческого суффикса *-(i)ov* от варварских имен, как кажется, нет⁷. Но в любом случае суффикс должен был присоединяться к основе, а не к полной форме имени.

Второе имя эпитафии *Ἦγούμενός*⁸ на Боспоре засвидетельствовано в двух документах, причем оба происходят из Горгиипии: КБН 1144 (середина II в. н.э.) и КБН 1179^{38–39, 46–47, 58} (вторая половина II – начало III в. н.э.). В КБН 1179 оно встречается трижды, но, как показал О. Крюгер, представляет собой скорее не личное имя, а прозвище⁹. В случае с КБН 1144, где читается *-----]vos Ἦγούμενοῦ*, сказать что-либо определенное сложно, так как *-vos* может быть окончанием как именительного падежа, так и генетива. По мнению Яйленко, «вследствие употребительности это прозвище стало также личным именем»¹⁰, хотя в действительности данных, подтверждающих какую-то особую употребительность *Ἦγούμενός* нет. За пределами Боспора *Ἦγούμενός*, если следовать LGPN и SEG, дважды засвидетельствовано на Косе: *Ἀγαθόλους Ἦγούμενοῦ* (эпитафия, датирована римским периодом) и *Γάϊος Στερότινιος Ἦγούμενός* (список жрецов святилища Аполлона, 89 г. н.э.) (LGPN I s.v.). В происходящей из Эфеса почетной надписи (II–III вв. н.э.) упомянуты *Γάϊος Μίνδιος Ἦγούμενος* и его дочь *Μινδία Στρατονείκη Ἦγούμενη* (SEG 34, 1093). Здесь, судя по принятой издателями акцентуации и наличию женского варианта, *Ἦγούμενος* рассматривается как когномен. Еще раз *Ἦγούμενός* засвидетельствовано на найденной в районе афинской агоры свинцовой табличке, содержащей проклятие в адрес атлета Евтихия, которому предстояло состязаться с неким Гегуменом (середина III в. н.э.)¹¹. В этом последнем случае трудно сказать, идет ли речь о полученном при рождении имени или о прозвище, личное имя вытеснившим.

⁷ Изучая LGPN IV, можно найти для Боспора два подобных примера, но они при ближайшем рассмотрении оказываются сомнительными: *Χόσιον* (КБН 765) и *Μάσθιον* (КБН 312). В первом случае камень был утрачен еще в XIX в., и Латышев публиковал текст эпитафии по сделанной К.Р. Бегичевым копии; очевидно, что последний текст был списан не вполне точно: *ΧΟΣΙΟΝΝΑΜΑΧΟΥ | ΧΑΙΡΕ*. Латышев исправил первую строку на *[Σω] σί[ων Λ]αμάχου* (принято в КБН), издатели LGPN IV предпочли оставить более близкий к рукописной копии вариант: *Χόσιον*, но едва ли это имя можно считать надежно засвидетельствованным. Во втором случае Латышев изначально предложил чтение *Μάσθιον* (?) (IOSPE IV 383), но затем, при подготовке второго издания IOSPE, исправил на *Μάσφιον* (этот вариант воспроизведен в КБН и LGPN). Аутопсия (лето 2006 г.) подтвердила чтение Латышева, принятое в КБН: *Μάσφιον*. То место на камне, где должна находиться вызывающая разночтения буква, в настоящий момент сильно затерто, но в верхней части строки хорошо заметны краешек вертикальной галсы и незначительный фрагмент окружности. Подобная форма *φι* с удлинненной вертикалью и округлой компонентой в виде вытянутого по горизонтали овала характерна для периода второй половины I до н.э. – начала I в. н.э. (Болтунова, Книпович 1962, 10–11, табл. III), что вполне согласуется с датировкой памятника.

⁸ Акцентуация *Ἦγούμενός* / *Ἦγούμενος* зависит от того, считать ли это слово личным именем или прозвищем, что не всегда можно достоверно определить, поэтому оставляем акцентуацию, принятую в том издании, на которое дается ссылка.

⁹ Крюгер 1966, 177.

¹⁰ Яйленко 1987, 167.

¹¹ SEG XXXV 215.

Возникают трудности и при определении родственных отношений между погребенными. Болтунова и Яйленко понимали их одинаково: Долесон и Гегумен были родителями Гигиенонта, но такая трактовка плохо соответствует формуляру надгробной надписи. Во-первых, отсутствует союз καὶ между первыми двумя именами, что совершенно нехарактерно для эпитафий первых веков нашей эры: либо, как в подавляющем большинстве случаев, имена всех покойных связываются при помощи καὶ, либо καὶ вообще не используется (e.g. КБН 494, 698). Во-вторых, при перечислении родителей на первом месте беспрецедентным образом оказывается женское имя.

Все вышеприведенные соображения заставляют видеть в первой строке эпитафии личное имя Δολῆς, соединенное с Ἡγουμένως при помощи ὁ. Исправление начальной буквы имени объясняется простой ошибкой резчика, прочертившего наклонную линию вместо горизонтали и недостаточно тщательно ее выскоблившего. Таким образом, Ἡγουμένως, видимо, следует считать прозвищем. На Боспоре, как, впрочем, и во всем античном мире вообще, прозвище обычно присоединялось к личному имени с помощью ὁ καὶ (КБН 64, 302, 1092, КБН 1280₄₋₅, 1282) или непосредственно к личному имени¹². В данном случае ὁ Ἡγουμένως, приближается к указанию на профессию или должность (как ὁ στρατηγός или ὁ ἱερέυς). Но понимать это слово как указание на занимаемую должность весьма проблематично: слишком расплывчато его значение ('начальник'). Видимо, перед нами некий промежуточный вариант: варвар Долес (носит негреческое имя, не имеет патронимика) занимал какой-то значимый пост (военный?) и указание на исполняемую должность стало использоваться как дополнительное определение. Во всяком случае, иные варианты прочтения эпитафии вызывают слишком много вопросов, поэтому предлагаю читать следующим образом:

Δολῆς ὁ [[Ἡ]]γουμέν-
 ὼς καὶ υἱὸς Ὑγια<ι>ν-
 ὠν, *vac 2 litt.* χαίρετε.

«Долес Гегумен и сын Гигиенонт, прощайте».

Конечно, при таком прочтении довольно затруднительно отождествить названных в эпитафии и изображенных на рельефе персонажей. Однако чтения Болтуновой и Яйленко также не дают полного соответствия между текстом и изображением. По мнению Болтуновой, Долесон и Гегумен были родителями Гигиенонта¹³. Яйленко, принимая эту гипотезу, предположил, что всадник – это Гегумен, женская фигура представляет Долесон, а мальчик с виноградной кистью – Гигиенонт¹⁴. Если отождествление единственного женского изображения на рельефе с Долесон едва ли может вызвать возражения, то догадки относительно атрибуции мужских персонажей остаются абсолютно произвольными: мальчик, протягивающий всаднику виноградную гроздь, – безусловно, слуга (на это, помимо характерного жеста, указывает также масштаб фигуры, самой мелкой из представленных на рельефе); тогда Гигиенонта должен изображать один из мальчиков в правом углу рельефа. Таким образом, даже в случае интерпретации Δολῆσον как имени матери Гигиенонта по крайней мере один персонаж все же оказывается «лишним».

¹² Крюгер 1966, 177–178, где рассматриваются прозвища, ошибочно понятые издателями КБН как личные имена.

¹³ Болтунова 1963, 99.

¹⁴ Яйленко 1987, 168.

Рис. 3. КБН 575 (общий вид)

Несовпадению между текстом и изображением можно дать различные объяснения: на рельефе была показана вся семья Долеса и Гигиенонта, включая еще не умерших ее членов, или стела изначально предназначалась для других людей. Вообще же несоответствие эпитафий рельефам на Боспоре не редкость¹⁵.

2. КБН 575

Камень найден в Керчи, время находки неизвестно; в 1899 г. куплен Суручаном для собственной коллекции; хранится в Херсонском краеведческом музее (инв. № ХЕМ-а-5810).

Известняковая стела, закругленная внизу; высота 0,75 м, ширина 0,32–0,35 м, толщина 0,11–0,12 м. Памятник увенчан узким карнизом, под которым помещены две розетки. На рельефе, обрамленном аркой, поддерживаемой двумя колоннами с полупальметками на капителях, представлен опершийся на колонку юноша в коротком хитоне и плаще. Слева от него – фигурка слуги. Согласно Кизерицкому, впервые опубликовавшему надгробие, рельеф был расписан: фон – синим, одежда персонажей – красным. В настоящее время заметны только остатки синей краски

ниже края плаща стоящего юноши (рис. 3). Под рельефом без предварительной разметки неглубоко вырезана надпись; высота букв – 2,0 см (*омикрон*, *омега* 1,5 см).

Кизерицкий в соответствии со стилем рельефа и общим видом памятника отнес его к началу I в. н.э.¹⁶ Близкие аналогии нашей стеле, предложенные Т.А. Матковской в новейшем издании лапидарных памятников из фондов Керченского музея-заповедника, датируются более широко – I в. н.э.¹⁷ Издатели КБН в соответствии с характером письма отнесли стелу к I в. н.э. или даже первой половине II в. н.э., объясняя столь широкую датировку плохой сохранностью текста. Как будет показано ниже, скорее всего, авторы КБН ограничились изучением фотографии Кизерицкого, на которой, в самом деле, мало что можно разглядеть. В действительности, опираясь на данные палеографии, датировку можно несколько сузить. Шрифт довольно строгий: буквы практически лишены украшений, *омикрон* и *омега* несколько меньше прочих по размеру. *Альфа* с прямой поперечной гостой; *омикрон* круглый; средняя горизонталь *эпсилон* короче крайних; наклонная *ню*

¹⁵ См. перечень наиболее ярких примеров подобных несоответствий: Тохтасьев 2007, 85.

¹⁶ К-W, 90, № 514, Taf. 36.

¹⁷ БН III. 2. 1, 31, № 4 = КБН 459 (I в. н.э.); 104, № 56 (I в. н.э.); 129, № 74 (первая половина I в. н.э.); 169, № 103 (I в. н.э.); 194, № 120 (первая половина I в. н.э.).

Рис. 4. КБН 575 (надпись, фото)

Рис. 5. КБН 575 (надпись, прорисовка)

соединяется с вертикалью почти посредине последней; *omega* имеет вид незамкнутого круга с короткими прямыми горизонталями (рис. 4–5). По совокупности палеографических признаков текст с уверенностью можно отнести к I в. н.э., скорее ко второй его половине.

Φαννίων *vac. 1 litt. viè*
Εὐίου,
χαῖρε.

1. Ἀννίων *viè* Кизерицкий, КБН; 2. Χ[---] Кизерицкий, КБН.

«Фаннион, сын Эвия, прощай».

Судя по всему, после Кизерицкого никто из специалистов сам камень не изучал, так как чтение первоиздателя было воспроизведено в КБН, а имя Ἀννίων (в принципе вполне имеющее право на существование, хотя и ни разу не засвидетельствованное) попало в LGPN IV. В действительности, хотя эпитафия в силу неглубокой вырезки и пористой структуры камня видна плохо, текст читается вполне уверенно.

Имя покойного Φαννίων, ранее не встречавшееся, образовано с помощью суффикса -ίων от популярного на Боспоре Φάννης/Φάννας. Φανίων, произведенное от негеминированной формы Φάνης/Φάνας, встречается несколько раз в самых разных частях греческого мира, правда, все примеры относятся к периоду до нашей эры (см. LGPN I, ШВ, IV); во всяком случае, подобная словообразовательная модель была использована не единожды. Вариант Φάννης/Φάννας с экспрессивной геминацией за пределами Боспора, по-видимому, не засвидетельствован, по крайней мере LGPN не дает ни одного примера¹⁸. Φαννίων из публикуемой эпитафии еще раз подтверждает необъяснимую приверженность жителей Боспора к геминированной форме, которая, как показывает наш пример, подобно варианту без удвоения, могла служить в качестве основы для создания дериватов, до сих пор не встречавшихся.

II

3. Во время работы с лапидарной коллекцией Херсонского краеведческого музея мое внимание привлекла выставленная в экспозиции плита с рельефом и надписью (инв. № ХЕМ-а-7128). Иконография и хорошо читаемый текст не оставляли

¹⁸ Подробнее об этом феномене см. Тохтасьев 2000, 147–148. Отмеченная автором особая популярность Φάννης/Φάννας в Пантикапее (за его пределами на европейском Боспоре имя засвидетельствовано только в Нимфее: бесспорно читается в КБН 941 (правильность чтения Φάννης в стк. 1 подтверждается аутопсией (лето 2006 г.)) и предположительно восстанавливается в КБН 935), возможно, является аргументом в пользу пантикапейского происхождения стелы.

сомнений в жанровой принадлежности стелы – посвящение Кибеле. В сопроводительной табличке памятник был приписан Пантикапею и датирован IV в. до н.э., однако ни в IOSPE, ни в КБН он учтен не был; в публикациях, вышедших после издания КБН, наш камень также не был представлен. Попытки получить информацию о происхождении памятника из инвентарных книг и музейной документации, а также устных бесед с сотрудниками музея дали следующие результаты. Единственным письменным документом, имеющим отношение к нашей стеле, оказалась краткая запись о группе вещей, происходящих с юга России, которые поступили на хранение в Херсонский музей в 1917 г. в соответствии с распоряжением Императорской археологической комиссии; ни описи, ни простого указания на количество или характер экспонатов не прилагалось. Присутствовавшие на тот момент в музее сотрудники не смогли дать какой-либо дополнительной информации о происхождении камня, но они были твердо уверены в том, что он не имеет отношения к коллекции И.К. Суручана, составившей основу лапидарного собрания Херсонского музея, а попал в музей из другого, неизвестного источника.

Дальнейшие изыскания, однако, показали, что музейная легенда о происхождении стелы ошибочна. Упоминание о камне было обнаружено в периодическом издании Херсонского музея за 1927 г., где приводится фотография стелы (надпись не видна) и текст посвящения на украинском языке с грубыми ошибками в чтении личных имен («Юдор (син) Ілія – Великої Матері»)¹⁹. Согласно указанному изданию, памятник поступил на хранение в Херсонский музей в 1917 г. из коллекции И.К. Суручана²⁰. В дальнейшем В.П. Былкова в статье, посвященной становлению археологической коллекции Херсонского музея, привела фото стелы как пример памятника из лапидарной коллекции Суручана²¹. К сожалению, изыскания Былковой не были зафиксированы в музейной документации, поэтому мне пришлось повторить путь, ранее уже проделанный исследовательницей.

Знакомство с архивными материалами, содержащими переписку вдовы собирателя О.Х. Суручан-Горонович с ИАК по поводу приобретения у нее коллекции покойного мужа, подтверждает принадлежность нашего памятника к кишиневскому собранию: стела представлена на одной из сделанных вдовой фотографий экспонатов²². После смерти коллекционера, последовавшей в 1897 г., его вдова вступила в длительную переписку с Императорской археологической комиссией по поводу продажи экспонатов из музея Суручана. Изначально речь шла о продаже собрания целиком, но за десять лет дело с места не сдвинулось, и О.Х. Суручан-Горонович стала распродавать коллекцию по частям²³. В 1914 г. скульптура и лапидарные памятники из собрания Суручана были, наконец, приобретены Музеем древностей Херсонского края. Однако из-за событий Первой мировой войны не было возможности переправить коллекцию по железной дороге, и уже упакованные и подготовленные к отправке экспонаты несколько лет находились под Кишиневом и только осенью 1917 г. были доставлены в Херсон.

Принадлежность камня коллекции Суручана дает возможность с почти сто-процентной уверенностью утверждать, что памятник происходит из Северного Причерноморья: хотя в обширном собрании кишиневского музея присутствовали

¹⁹ Фабриціус 1927, 5, рис. 2.

²⁰ Таким образом, упомянутая выше записка о поступлении в Херсонский музей в 1917 г. ряда вещей оказывается ничем иным, как актом о приемке на хранение лапидарной коллекции Суручана!

²¹ Былкова 1993, 234, рис. 1.

²² Архив ИИМК РАН СПб. Ф. 1/1897. Д. № 272. Л. 55 (номер на фото 5).

²³ Подробнее об истории коллекции Суручана см. Власова 1999, 362–368.

вещи, приобретенные коллекционером за пределами отечества, лапидарные памятники поступали к Суручану исключительно из Южной России. Источниками этих поступлений были либо раскопки, производимые непосредственно собирателем, либо покупка антиков у профессиональных торговцев древностями. Большая часть коллекции была составлена именно вторым путем. В заметке И.В. Фабрициус стела названа пантикапейской, в сопроводительной табличке в экспозиции памятник также атрибутирован Пантикапею²⁴. Основания для включения нашей стелы в число пантикапейских памятников неизвестны; если к прибывшим в 1917 г. в Херсон экспонатам и прилагалась какая-то сопроводительная документация, то она бесследно утрачена. Так что в поддержку боспорского происхождения камня можно привести только ряд косвенных соображений. Публикуемая стела не была включена в издание надписей из собрания Суручана, выпущенное Латышевым в 1894 г., из чего можно заключить, что камень был приобретен позднее, видимо, незадолго до смерти коллекционера. Памятники лапидарной эпиграфики из собрания Суручана, не попавшие в поле зрения В.В. Латышева, хранились в фондах Херсонского музея и были опубликованы в 1963 г. Болтуновой (например, № 1 данной статьи)²⁵, наша стела осталась исследовательнице неизвестной. Болтунова же показала, что рассмотрение динамики поступлений в коллекцию Суручана дает весьма веские основания думать, что все стелы с рельефами, приобретенные собирателем в последнее десятилетие XIX в., были куплены в Керчи, т.е. происходят с Боспора, причем, почти наверняка, с европейской его части. В соответствии с традицией, идущей от Латышева и поддержанной издателями КБН, подобные памятники не вполне ясного происхождения с определенной долей условности приписывались Пантикапею.

Мне представляется, что приведенные материалы дают основания, конечно, с известной долей осторожности, включить публикуемую стелу в число боспорских памятников лапидарной эпиграфики. Изучение камня само по себе никакой дополнительной информации дать не может. С искусствоведческой точки зрения подобный вотивный рельеф мог быть изготовлен в любой точке античного мира; никаких специфических черт в каноническом облике Кибелы нет. Текст посвящения также не содержит каких-либо особых имен или эпитетов, которые могли бы дать географическую привязку. Таким образом, строить какие-либо предположения о происхождении камня можно только на основе архивных материалов, а они указывают на боспорское происхождение монумента (конечно, доказательства не безусловны, и определенные сомнения могут иметь место).

Обратимся непосредственно к публикуемому памятнику (рис. 6, см. вклейку). Стела из желтовато-серого мрамора с шипом для вставки в постамент; левый верхний угол поврежден. Камень, изначально разбитый на три части (повреждения хорошо видны на фотографии, присланной Суручан-Горонович в ИАК), в настоящий момент склеен, недостающие части догипсованы, поверхность заглажена и затонирована. Высота 1,17 м, ширина 0,64–0,68 м, толщина 0,11–0,13 м.

Стела представляет собой вотивный рельеф, изображающий Кибелу, сидящую в наиске. Памятники такого типа, изготовленные из мрамора или известняка, пользовались большой популярностью и встречаются по всему античному миру начиная с VI в. до н.э. и вплоть до римского периода. Для Боспора таких вотивов

²⁴ Судя по всему, автором атрибуции в данном случае является В.П. Былкова, которая, будучи знакома с приведенными выше материалами, правильно определила происхождение памятника, но имя исследовательницы и результаты ее работы, как уже было сказано, в документации музея не отражены.

²⁵ Болтунова 1963, 95.

известно, как кажется, всего пять (по крайней мере опубликованных), причем все они анэпиграфны и датируются временем не ранее I в. до н.э. (два из Пантикапея, два из Тиритаки и один из Нимфея, т.е. все с европейского Боспора)²⁶. Иконография Кибелы была детально исследована Фр. Науманном, который показал, что традиционное изображение сидящей на троне богини, наделенной всеми атрибутами, – лев, фиала, тимпан – формируется к периоду поздней классики²⁷. При этом иконография Кибелы была весьма консервативна: поза и одежда богини оставались практически неизменными; изменения касались прежде всего атрибутов: положение и количество львов, наличие жезла вместо тимпана, появление рядом с Кибелой других божеств.

Публикуемая стела увенчана фронтоном с гладкими карнизами; судя по незначительным остаткам в верхней части памятника, фронтон был украшен акротериями, которые сейчас полностью сбиты; гейсон гладкий (поверхность повреждена округлыми выбоинами). Эдикулу обрамляют слегка сужающиеся кверху анты с профилированными капителями. Богиня представлена сидящей в фас; колени расставлены, правая нога выдвинута вперед. Трон имеет вид массивного прямоугольного блока, поверх которого лежит подушка; скамеечки для ног нет. Лицо Кибелы обрамлено пышными волнистыми волосами, которые подобраны над ушами, а затем спадают на грудь и плечи двумя длинными локонами. На голове у нее невысокий калаф. Одета богиня в длинный хитон, подпоясанный несколько ниже груди: на груди ткань лежит V-образными складками, по бокам мешковато свисает. Покрывало, накинутое на голову поверх калафа, слева наброшено на плечо, справа пропущено под рукой и широким полотном раскинуто поверх коленей. С левой стороны, над покрывалом, свисает пояс. В правой руке, вытянутой вперед, божество держит фиалу.левой рукой богиня снизу поддерживает большой тимпан; оба атрибута сильно повреждены, особенно тимпан. На коленях у Кибелы лежит маленький лев с пышной гривой, обращенный влево. Лицо и все выступающие части рельефа оббиты.

Наш памятник представляет собой основной тип изображения Кибелы (единственное небольшое отклонение от классического образца – отсутствие подножной скамьи)²⁸, хорошо известный практически во всех уголках античного мира. В соответствии со стилем рельефа и особенностями иконографии стелу можно датировать второй половиной IV–III в. до н.э.

Под фронтоном без предварительной разметки вырезана однострочная надпись (рис. 7, см. вклейку). Высота букв 1,3–1,7 см. Буквы украшены апексами; *омикрон* круглый, по размеру несколько меньше прочих букв. *Альфа* с прямой поперечной гостой; боковые линии *мю* наклонны. *Омега* немного меньше прочих букв. По совокупности палеографических признаков надпись можно отнести ко второй половине – концу IV в. до н.э.

[---]ἰόθωρος Φιλίου Μητρί Μεγάλη {1}

1. Начало имени дедиканта уничтожено сколом. Перед *йотой*, как кажется, заметен краешек наклонной госты, так что посвятитель мог носить имя [Ἰ]Ν λἰόθωρος или [Δ]ἰόθωρος.

²⁶ Датировки даются по новейшему изданию: АС, 64, № 19 (Пантикапей, I в. до н.э.); 65, № 20 (Нимфей, I в. до н.э. – I в. н.э.); 66, № 21 (Тиритака, I в. н.э.); 67, № 22 (Тиритака, I в. до н.э. – I в. н.э.); 68, № 23 (Пантикапей(?), II–III вв. н.э.). В сравнении с публикацией М.М. Кобылиной датировки памятников омоложены (Кобылина 1978, 35–36, 38, № 11–12, 14).

²⁷ Naumann 1983, 181–184.

²⁸ Согласно классификации Фр. Науманна, тип 2а.

«[---]иодор, сын Филия, (*посвятил*) Великой Матери».

Имя Φίλιος, засвидетельствованное в различных частях греческого мира (LGPN s.v.), в Северном Причерноморье ранее не встречалось. Эпитет Μήτηρ Μεγάλη (вообще не часто встречающийся в лапидарной эпиграфике, более популярны Μήτηρ θεῶν или Μήτηρ с каким-либо эпитетом географического характера) для северопричерноморского региона также отмечен впервые.

Эпиграфические свидетельства почитания Кибелы на Боспоре немногочисленны. Популярность этого божества сомнений не вызывает, но основным материалом для выводов о распространении культа Матери богов на Боспоре являются статуэтки, терракотовые и реже каменные, которые начиная с IV в. до н.э. встречаются практически во всех боспорских поселениях. Большие votivные наиски, как уже было сказано, немногочисленны и относятся к достаточно позднему времени. Наконец, в Пантикапее были обнаружены фрагменты монументальной мраморной статуи богини²⁹ и два постамента под статуи с посвящениями Кибеле, датированные правлением Перисада II (КБН 21, 23), что говорит о существовании здесь крупного храма, посвященного этому божеству.

Если вернуться к эпиграфическим данным, то самым ранним бесспорным свидетельством почитания Кибелы на Боспоре остается найденное В.Ф. Гайдукевичем на городище Мирмекий граффито конца V в. до н.э.: [ἀ]νέθεκεν τῇ{ι} Μητρὶ³⁰. Граффито помещено на донце чернолакового сосуда и уцелело не полностью: скол проходит непосредственно после слова Μητρὶ, что оставляет возможность предполагать наличие полностью утраченного дополнительного эпитета при имени божества. Упоминания Кибелы в лапидарной эпиграфике ограничиваются уже упомянутыми двумя надписями на постаментах. В полностью сохранившейся КБН 21 Кибела названа Матерью Фригийской (Μήτηρ Φρυγία). В сильно поврежденной и, по-видимому, утерянной КБН 23 имя божества восстанавливается предположительно: τ[ῇ] Μ[η]τ[ρ]ί(?), причем дальнейший текст утрачен, так что эпитет, скорее всего, дополнявший слово Μήτηρ, остается неизвестен. Граффиты с аббревиатурами М, МНТ теоретически могут быть истолкованы как посвящения Матери богов, но с не меньшей (скорее даже с большей) долей вероятности их можно понимать как сокращение личного имени Μητροδωρος³¹.

Таким образом, публикуемый памятник можно считать на настоящий момент древнейшим лапидарным посвящением Кибеле на Боспоре, помня, конечно, о том, что принадлежность стелы именно Боспору нельзя считать стопроцентно доказанной.

Литература

1. Болтунова А.И. 1963: Неизданные надгробия в фондах Керченского и Херсонского музеев // НЭ. 4, 95–102.
2. Болтунова А.И., Книпович Т.Н. 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 3, 3–31.

²⁹ Кобылина 1978, 34.

³⁰ Гайдукевич, Михайловский 1961, 135–136, рис. 9.

³¹ См., например: Толстой 1953, № 226, 235: МНТ (оба – Пантикапей, IV в. до н.э.). Разве что в случае с граффито МНТ на донце расписного кратера первой половины IV в. до н.э., найденным в Китее, где предполагается святилище Кибелы, можно скорее склоняться в сторону трактовки текста как посвячительного, и то не с полной уверенностью (Молев 2003, 218).

3. Былкова В.П. 1993: Археологическая коллекция Херсонского краеведческого музея // ВДИ. 2, 233–241.
4. Власова Е.В. 1999: И.К. Суручан и его музей // *Stratum-plus*. 1999. 6, 362–368.
5. Гайдукевич В.Ф., Михайловский К. 1961: Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956–1958 гг. // Исследования по археологии СССР. Л., 127–138.
6. Кобылина М.М. 1978: Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье. М.
7. Крюгер О.О. 1966: [рец. на:] Корпус боспорских надписей. М.–Л., 1956 // ВДИ. 2, 176–183.
8. Марти Ю.Ю. 1941: Неопубликованные археологические памятники Керченского историко-археологического музея им. А.С. Пушкина // ВДИ. 1, 198–211.
9. Молев Е.А. 2003: Граффити на чернолаковых сосудах из раскопок Китея (1970–1995 гг.) // ДБ. 6, 217–238.
10. Толстой И.И. 1953: Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.–Л.
11. Тохтасьев С.Р. 1992: Из ономастики Северного Причерноморья II. Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / А.К. Гаврилов, И.В. Куклина, А.А. Нейхардт, И.А. Шишова (ред.). СПб., 178–199.
12. Тохтасьев С.Р. 2000: Из ономастики Северного Причерноморья X–XVII // *Hyperboreus*. VI. 1, 124–156.
13. Тохтасьев С.Р. 2007: Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии. С. 85 // *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ*: Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского / А.Д. Столяр, И.Л. Тихонов, С.Р. Тохтасьев, И.В. Тункина (ред.). СПб., 82–118.
14. Тохтасьев С.Р., Матковская Т.А. 2006: Малоизвестные и неизданные стелы Керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника, 1. Керчь, 179–210.
15. Трейстер М.Ю. 2008: Оружие сарматского типа на Боспоре (об одной группе кинжалов, изображенных на пантикапейских надгробиях I–II вв. н.э.) // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен» / М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев, С.В. Кашаев, О.Ю. Соколова, В.А. Хршановский (ред.). СПб., 146–158.
16. *Фабриціус І.* 1927: Літопис музею. Червоні роки 1917–1927 // Державний Херсонський історико-археологічний музей. 8.
17. Яйленко В.П. 1987: Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья / А.И. Павловская (ред.). М., 4–200.
18. *Naumann Fr.* 1983: Die ikonographie der Kybele in der phrygischen und der griechischen Kunst. *Istanbuler Mitteilungen*. Suppl. 28.

THE PRELIMINARY OBSERVATIONS ON IOSPE II²: THE EPIGRAPHIC MONUMENTS OF CHERSON LOCAL HISTORY MUSEUM

A.P. Bekhter

The author republish two funeral steles, edited with a number of serious mistakes in readings (CIRB 450, 575) that led to the appearance of ghost-names in such a famous and competent edition as LGPN. The article also contains the first publication of a relief with a dedicatory inscription. In the first line of CIRB 450 the author propose to read neither Δόλησον (erroneously Boltunova) nor Δολησον (Iajlenko), but Δολης ὁ [[H]]γουμένος: the male name of Thracian origin in combination with a kind of cognomen. In CIRB 575 the name Φαννίων occurs for the first time: it is derived from Φάννης/Φάννας (geminated form of Φάνης/Φάνας, represented in Bosphoran epigraphy exclusively) with the Greek suffix -ίων (not Ἀννίων, as is CIRB and LGPN). The votive relief bore a dedication to Cybele; according to the stylistics of the relief and its paleography it can be dated to the second half of IV c. B.C. The examination of archive materials enable to propose the Bosphoran origin of monument (stele deprived of the passport).

Keywords: epigraphy, Bosphoros, collection of I.K. Suruchan, onomastics, Cybele.